

Глава 21. Свадебные чаши

Лю Тяньцзяо посмотрел на него с искренним недоумением.

Вэй Вэнькан едва не задохнулся от возмущения:

— Ты вообще помнишь, что ты — гэ'эр?

— Конечно, помню, — с непоколебимой уверенностью ответил Тяньцзяо. — Когда мы с этими паршивцами бегали на речку купаться, и они порывались скинуть с себя всё до нитки, я им сразу запрещал. Сюде говорил мне: гэ'эру нельзя смотреть на голых мужиков, а не то ячмень на глазу вскочит.

Вэй Вэнькан промолчал.

«Пожалуй, не стоило надеяться, что у этого создания есть хоть капля стыдливости»

Юноша рос вместе с деревенскими мальчишками и всегда был среди них вожаком. Куда бы он ни пошёл, за ним всегда следовала целая свита из ребят, девчонок и других гэ'эров, так что он просто не видел в своём поведении ничего предосудительного. Заметив, что лицо Вэнькана помрачнело, Тяньцзяо решил, что тот просто не привык к грубым деревенским нравам, и поспешил утешить собеседника:

— Мы так с детства привыкли подшучивать друг над другом, зла в этом никто не держит. Ты не серчай, ладно?

Вэй Вэнькан окинул его бесстрастным взглядом. Про себя он решил: нечего ждать будущего, проучить этого несносного гэ'эра нужно уже сегодня.

Свадебные обряды в деревне были простыми: не успели новобрачные вернуться в дом Лю, как настало время поклонения Небу и Земле. Поскольку родители обоих почили, на почетных местах для старших родственников восседали единственные прямые предки Тяньцзяо — Старик Лю и Старуха Лю.

При виде их вытянутых, кислых лиц Тяньцзяо почувствовал, как к горлу подкатывает горечь. Если бы не уговоры Тан Суй-ши и её невесток, он бы и вовсе поставил на эти места поминальные таблички своих родителей.

Старики из главного дома презирали «внука» и не хотели идти на эту свадьбу, но в то же время боялись, что если совсем не покажутся, то тот окончательно перестанет их во что-либо ставить. После долгих препирательств они всё же явились, но сели с таким видом, будто делали великое одолжение, твердо решив проучить новобрачного.

Когда после поклонов пришло время подносить чай, Старуха Лю решила показать характер. Тяньцзяо протянул ей чашку, но она не приняла её и не проронила ни слова. В комнате, где только что царил веселье, воцарилась гнетущая тишина.

Сваха Чжэн тут же нашелся и с улыбкой произнес:

— Видать, старая госпожа хочет дать напутствие молодым. Просим вас, говорите, все внимательно слушают.

Старуха Лю искоса взглянула на него:

— Есть у меня слова. Тяньцзяо, ты всегда был больно самонадеянным. О свадьбе со старшими не советовался, зятя заранее не представил... По душе он нам или нет, мы сегодня при людях поминать не станем, чтобы беду не кликать. Живи теперь как знаешь, надейся только на себя.

В такой радостный день даже заклятые враги стараются не портить праздник, а тут родная бабка несла такое, что посторонний человек мог бы подумать, будто новобрачные — любовники, сошедшиеся без всякого благословения.

Лицо Лю Тяньцзяо позеленело от ярости. Он с силой швырнул чашку на пол, и та разлетелась вдребезги.

— Бабка правду говорит. Мы давно разделили хозяйство, и эта свадьба вас не касается. Уходите, раз вам здесь не место!

Старуха Лю чуть не задохнулась от гнева. Она забарабанила ладонями по столу:

— Лю Тяньцзяо! Совсем ты стыд потерял! У тебя ни воспитания, ни совести — не человек ты вовсе!

— На себя посмотри! — в сердцах выкрикнул юноша. — Ты первая не по-людски поступаешь!

— Довольно! — Старик Лю, хоть и был человеком ведомым, очень дорожил своим лицом. Он искренне верил, что скоро уедет с младшим сыном в город и станет важной особой, возвысившись над этими пахарями. Видя, как крестьяне начали шептаться и указывать на них пальцами, он не выдержал. Сначала он прикрикнул на жену: — Если в такой день доброго слова из тебя не лезет, так молчи в тряпочку!

А затем обернулся к внуку:

— А ты кого ни во что не ставишь? Гэ'эр, а речи ведешь такие поганые... Подумают люди, что в семье Лю совсем о приличиях забыли!

Сваха Чжэн, не ожидавший, что всё так обернется, осторожно потянул Тяньцзяо за рукав, умоляя взглядом сдержаться — всё-таки это его собственная свадьба.

Он вновь обратился к старикам с заискивающей улыбкой:

— Дедушка, бабушка, оно конечно, поучать внуков — дело правое. Только вот время уходит, гости на улице заждались начала пира. Может, выпьете чаю сейчас, а наставления на другой день отложите?

Увидев, что муж всерьез разозлился, Старуха Лю не посмела больше спорить. Она приняла чашку из рук Чжэна и сделала глоток.

Сваха облегченно выдохнул и, не теряя ни секунды, быстро закончил обряды и проводил молодых в спальню.

Едва они скрылись за дверью, Сяо Цянь-ши незаметно показала свекрови большой палец:

— Ну и сильны же вы, матушка! Мы-то для него пустое место, а вы как вышли — так у него аж лицо перекошило.

Старуха Лю холодно хмыкнула:

— Весь в своего папашу-гэ'эра, никого не уважал. Говорят ведь: если свадьба не ладится, то и жизнь пойдет наперекосяк. Вот я и решила его сегодня на место поставить.

— И то верно! Во всей округе не сыскать такого наглого гэ'эра, как он.

Вспомнив, как Тяньцзяо огрызнулся на неё, Старуха Лю всё ещё чувствовала обиду. Она притянула невестку к себе и прошептала:

— Я видела, этот паршивец сегодня мяса наготовил — горы! А у нас дома уже несколько дней шаром покати. Сходи-ка на кухню да прихвати чего-нибудь.

Сяо Цянь-ши замялась:

— Да там Тан Сюй-ши за повара. Женщина она властная, вряд ли даст что унести.

Старуха Лю злобно усмехнулась:

— Я родная бабка Тяньцзяо или кто? Подумаешь, возьму немного мяса! Неужто его не станут поносить за то, что бабка на его свадьбе голодной осталась?

Получив такое «благословение», Сяо Цянь-ши радостно отправилась исполнять поручение. Ворвавшись на кухню, она принялась рыться в закромах, перекладывая в свою корзину самые лакомые куски: тушеную свинину, жирную рульку, жареную утку — всё то, что должно было стать украшением столов. Исчезновение любого из этих блюд было бы сразу заметно.

Сюй Цзяонян попыталась было преградить ей путь, но Сяо Цянь-ши тут же напустилась на неё с бранью:

— Бабка Тяньцзяо совсем ослабла от голода, я всего лишь несу ей поесть! Тебе-то какое дело?

Цзяонян едва не плакала от негодования:

— Да разве она одна столько съест? Все продукты на столы строго рассчитаны!

Невестка из главного дома лишь окрысилась:

— Съест или нет — не твоего ума дело! У пожилого человека аппетита нет, вот и приходится выбирать из разного, чтобы хоть что-то по душе пришлось.

— Какое там «по душе»! По-моему, это ты сама сожрать всё хочешь! — Девушка была вне себя от ярости. Эти люди совсем потеряли стыд: в прошлый раз, во время похорон, обобрали дом Тяньцзяо до нитки, и вот опять. Сюй Цзяонян не понимала, за какие грехи другу досталась такая родня.

— Ты, девка, помалкивай! Как ты со старшими разговариваешь? Видать, в твоей семье о воспитании и не слыхали!

К ним подошла Чэнь Сюй-ши. Она осторожно взяла золовку за руку и прошептала:

— Оставь её. С такими бесстыжими спорить бесполезно. Пусть забирает, что хочет. Поднимем шум — люди сбегутся, и тогда позор на всю деревню будет.

Цзяонян, хоть и кипела от злости, вынуждена была отступить. Тяньцзяо женился лишь раз в жизни, и ей не хотелось, чтобы его праздник превратился в балаган.

Видя, что ей больше не мешают, Сяо Цянь-ши набила корзину до самого верха и с победным видом направилась к выходу. По пути она, уловив момент, стащила ещё и изящный кувшин с вином.

Когда Тан Сюй-ши, закончив с основными блюдами, обернулась, она обнаружила, что вино для свадебных чаш исчезло. Женщина так и затряслась от гнева — не нужно было гадать, чьих это рук дело. Ей хотелось немедленно выбежать и вцепиться Сяо Цянь-ши в волосы.

Но время поджимало. Искать воровку было некогда — вино, верно, уже было выпито. Тан Сюйши велела младшему сыну со всех ног бежать в лавку за новым кувшином.

Сюй Цзяонян, чувствуя вину за то, что не уберегла добро, яростно рубила овощи, когда на кухню вбежала обеспокоенная Лю Цзинь-эр.

— Дед велел вина принести! Куда вы его спрятали?

Цзяонян вскинулась, как ужаленная:

— Вина?! Еще и вина им мало! Мать твоя даже свадебный кувшин утащила, какое вам ещё вино? Смотрите, как бы оно поперек горла не встало!

Лю Цзинь-эр замерла на месте:

— Свадебное вино пропало? Какое именно?

— Какое-какое! Кувшин ценой в сотню с лишним монет, мать специально велела отцу в городе купить. Красивый такой, голубоватого фарфора. Тяньцзяо хотел, чтобы всё по чести было, а твоя мать его потихоньку и стащила.

Цзинь-эр нахмурилась:

— Ты уверена, что это моя мать взяла?

Видя, как та прикидывается невинной овечкой, Сюй Цзяонян отрезала:

— А кто ещё? Только она за порог вышла, как всё и пропало.

Лю Цзинь-эр помолчала, а потом спросила:

— И что же теперь Тяньцзяо пить будет?

Цзяонян одарила её презрительным взглядом:

— Мать послала брата за новым. Семья у вас — одни бесстыдники.

Пришедшая, казалось, облегченно выдохнула, но в её глазах мелькнула тень недовольства.

— Слишком дешево ему досталось, — буркнула она себе под нос и ушла.

Цзяонян едва не лишилась чувств от такого нахальства. Что за люди живут в главном доме Лю!

Тем временем Гуань-ши заметила, как Сяо Цянь-ши воровато прячется в своей комнате с полной корзиной. Она тут же преградила ей путь:

— Вторая невестка, а что это у тебя там?

«Вот же напасть, — подумала Сяо Цянь-ши, — вечно эта проныра под ногами путается»

Натянув на лицо улыбку, она ответила:

— Да так, ничего особенного. В огород заходила, ботвы для кур набрала.

Гуань-ши не поверила:

— И с чего это для какой-то ботвы понадобилась такая нарядная корзина?

— Да остальные все заняты были, — выкрутилась Сяо Цянь-ши.

— Неужели? Ну-ка, дай взгляну. — Не дожидаясь ответа, Гуань-ши откинула крышку. Сверху и впрямь лежали листья, но запах...

Сяо Цянь-ши засуетилась:

— Видишь, третья невестка, ботва и есть.

— С каких это пор ботва так вкусно пахнет? — Гуань-ши отодвинула зелень и вытащила миску с мясом. — Что ж ты, сестрица, нехорошо поступаешь. Нашла такую добычу и даже не обмолвилась.

Сяо Цянь-ши скрипнула зубами. Она знала, что от этой бабы просто так не отделаться.

— Да это я для матушки... Она ведь голодная. Вот и принесла ей немного.

— Ох, какая забота, — притворно восхитилась Гуань-ши. — Только матушка старенькая уже, столько жирного ей во вред будет. Мы, как младшие, должны помочь ей всё это осилить. — С этими словами она потянулась к миске.

Сяо Цянь-ши не собиралась сдаваться:

— Оставь! Как я потом перед матушкой отчитываться буду?

Но Гуань-ши и не думала отступать:

— Да что там отчитываться! Страда сейчас кончилась, мой муж и детишки так отощали — одни кости остались. Если их сейчас не подкормить, так и до хвори недолго. Матушка так любит сыновей и внуков, она только рада будет.

Сяо Цянь-ши сорвала маску вежливости:

— Если хочешь мяса — иди и сама бери, чего к моему руки тянешь?

Гуань-ши лишь усмехнулась:

— Ты там всё подчистила, теперь Тан Сюй-ши за продуктами как за сокровищем следит. Как я возьму? Если не хочешь делиться по-хорошему, я сейчас четвертую и пятую невесток позову. Пусть все узнают, какая ты жадная!

<http://bllate.org/book/15343/1372757>